

ТРАКТАТ ЛА БОЭСИ О ДОБРОВОЛЬНОМ РАБСТВЕ

Проф. Ф. Коган-Бернштейн

«Рассуждение о добровольном рабстве» Этьенна Ла Боэси — один из замечательнейших документов французской публицистики XVI века. Пафос свободы, которым проникнута каждая строка его, яркая литературная форма, своеобразная красота его построенных на античный лад пространных периодов — всё это делает трактат рано умершего французского гуманиста одним из шедевров мировой политической литературы. Написанный в середине XVI в., в пору почти полного политического спокойствия, он стал, однако, прообразом и до известной степени исходным пунктом литературы французских монархомахов, превратившись в период религиозных войн в руках гугенотов в одно из орудий их борьбы против последних Валуа. Заражающая сила «Рассуждения о добровольном рабстве» продолжала действовать и века спустя, в моменты политических бурь или политического напряжения, когда, как например в эпоху французской революции и позднее, забытый, казалось, памфлет вновь воскресал, призывая людей совсем иных поколений к борьбе за свободу. И недаром вокруг этого небольшого трактата Ла Боэси создавалась обширнейшая литература — достаточно назвать имена Монтеня, Сент-Бева, Ламене, Прево-Парадоля, Вермореля, не говоря о ряде позднейших исследователей, длинной чередой следующих друг за другом, начиная с конца прошлого века и вплоть до наших дней. Однако ряд существенных вопросов, связанных с трактатом Ла Боэси, остаётся нерешённым, и как на Западе, так и у нас до сих пор ведутся споры по поводу этого произведения. Исследователи расходятся между собой по вопросу о времени составления «Рассуждения»; не установлено также, имеем ли мы дело с текстом в том виде, в каком он вышел первоначально из-под пера Ла Боэси, или в нём сделаны существенные изменения и дополнения, и, если они сделаны, то кем: самим ли автором или каким-нибудь посторонним редактором; спорят по поводу самого характера и существа «Рассуждения», в котором одни видят острый политический памфлет, направленный против тогдашнего государственного строя Франции и тогдашних французских государей, другие — отвлечённое теоретическое рассуждение о пагубности тирании, а некоторые даже — чисто риторическое школьное упражнение на эту тему.

В предлагаемом очерке я хочу отметить некоторые важные стороны трактата Ла Боэси, на которые до сих пор не обращали надлежащего внимания исследователи его творчества.

I

Я не стану излагать подробно хода мыслей «Рассуждения о добровольном рабстве», содержание которого можно найти в многочисленных работах, посвящённых памфлету Ла Боэси. Я остановлюсь лишь на основных идеях его и постараюсь показать, что в трактате Ла Боэси проводятся одновременно две плохо вяжущиеся между собой концепции тирании, в основе которых лежат две различные трактовки государства.

На первых страницах «Рассуждения» дело излагается так, точно общество распадается на две совершенно неравномерные части: на одной

стороне имеется тиран, единовластитель, ОДИН (с прописными буквами: UN, как это можно видеть на стр. 79 «Рассуждения»¹), и этому единовластителю противостоит вся остальная несметная масса населения государства, безропотно переносящая все насилия и угнетение, чинимое над ней тираном. Ла Бюэси с недоумением останавливается перед этим загадочным явлением. Можно ещё понять, говорит он, что два человека или даже десяток людей боятся одного человека; но если сотни тысяч людей, если миллионы их терпеливо сносят тиранию одного человека — и не какого-нибудь Геркулеса или Самсона, а часто ничтожнейшего человечка, *hommeau*, — то этого их трусостью объяснить нельзя. Ведь достаточно им, не то чтобы сделать какое-нибудь усилие для свержения тирана, а просто не захотеть повиноваться ему, отказаться выполнять его требования, чтобы их рабству пришёл конец. И рабство это приходится признать добровольным, поскольку оно держится тем, что народы, словно очарованные именем ОДНОГО, сами не желают отказаться от него.

Чем же объяснить эту странность? Откуда взялась эта околдованность, зачарованность миллионных масс, как бы парализующая их волю? Причину этого Ла Бюэси видит во всепобеждающей силе привычки. По убеждению нашего автора, люди рождаются от природы свободными и любящими свободу. И если даже животные, как показывает повседневный опыт, яростно защищают свою свободу, жертвуя ради неё иногда даже жизнью, то ясно, что отказаться от неё люди могли лишь под давлением непреодолимых факторов. Ла Бюэси видит их в насилии, и в обмане, в хитрости. Так, Александр Великий, завоевав Грецию, подчинил её своей тирании; так, Дионисий, избранный сиракузцами в полководцы для отражения неприятеля, использовал обманном образом своё положение военачальника и стал тираном над своими согражданами.

Порабощённые насилием или хитростью, народы с трудом мирятся со своим положением. Но проходят годы, подрастает поколение, не знавшее свободы, и начинается всепокоряющее действие привычки, в результате которого люди, свыкаясь с неволей, начинают считать её своим естественным состоянием².

Таким образом, первой причиной добровольного рабства является, по Ла Бюэси, привычка, является то, что люди рождаются рабами и воспитываются в таком состоянии.

С утратой свободы люди теряют и мужество и вообще энергию, становятся неспособными к каким бы то ни было великим делам. Тираны, не довольствуясь этим, стараются ещё развратить народ всякого рода играми, зрелищами, празднествами, раздачей хлеба, вина и пр., как это практиковали, в частности, римские цезари. Особенно падки на эти приманки народные массы, грубая чернь — *le gros populus, le menu peuple, les lourdauds*: чернь, не понимающая, что в подачках тирана она получает лишь часть того, что он берёт у неё же. Как и многие другие гуманисты, Ла Бюэси относится свысока к непросвещённому народу и не жалеет обидных эпитетов для него.

Далее государи, чтобы придать больше значения своей власти, окружали себя и свой образ жизни особой таинственностью, вызывая у своих подданных религиозное благоговение к себе. К каким только выдумкам, играя на суеверии невежественных масс, ни прибегали они для усиления своей тирании! Так они внушали веру в то, что большой палец на ноге эфирского царя Пирра производит чудеса и излечивает от болезней селезёнки, что Веспасиан исцелял хромых, возвращал зрение слепым и т. п. Словом, тираны, не довольствуясь покорностью и рабством народа, ста-

¹ Цитирую везде «Рассуждение о добровольном рабстве» по Payen. «Notice bio-bibliographique sur la Boetie» Paris. 1853.

² Op. cit., p. 28.

рались всегда ещё для обеспечения своей власти приучить его относиться к ним с религиозным почтением.

Приведённые рассуждения изменяют довольно существенным образом намеченную на первых страницах «Рассуждения» концепцию её автора. В своём исходном пункте рабство народов является, как мы видим теперь, не добровольным, а вынужденным, будучи плодом или прямого насилия или насилия, замаскированного обманом. Только впоследствии, когда подрастут поколения, не знавшие свободы, рабство это перестанет быть буквально подневольным и в противоположность этому может быть названо добровольным, не понимая, однако, под этим сознательного отказа народов от своей свободы или примирения их со своей неволей: выросшие в неведении свободы народы не сознают своей несвободы, и все негодующие обличения Ла Бозси по их адресу, с которыми мы знакомимся в начале «Рассуждения», все его красноречивые тирады на тему о том, что тиран только один, что у него лишь два глаза, две руки, а поработённых им миллионы, с миллионами глаз и рук, что не нужно никаких усилий и жертв, чтобы свергнуть тирана, а достаточно лишь не захотеть служить поработителю — вся эта пышная риторика направляется в пустое пространство. Это — речь, обращённая к глухорождённым. Подневольное первоначально рабство, превратившись в ходе времени в добровольное, в указанном условном смысле слова, призвано, повидимому, не иметь конца.

Но дело всё же у Бозси не так безнадежно, как оно представляется на основании сказанного. В обширном царстве глухих к голосу свободы, оказывается, имеются и люди с чутким слухом. Как указывает Ла Бозси, всегда имеется некоторое число более одарённых от природы людей (*mieux nays*), чувствующих тягость рабства. Они не забывают естественной свободы человека, помнят то, как жили свободно их предки. Они, «имея ясную голову и проницательный ум, не довольствуются, в отличие от грубой черни, тем, чтобы смотреть себе только под ноги, но глядят и вперёд и назад, восстанавливают прошлое, чтобы судить о настоящем и будущем, они, обладая от природы хорошо устроенной головой, ещё отшлифовали свой ум научными занятиями; они — если бы даже свобода окончательно погибла и исчезла из мира — представляют её себе, чувствуют и переживают её в душе своей и никогда не найдут рабства по своему вкусу, как бы его ни наряжали и ни прикрашивали»¹.

Этих свободолюбивых и просвещённых людей, может быть, не так мало. Но тираны — Ла Бозси ссылается здесь на пример Турции — понимают всю опасность для их господства просвещения и сговора между обладателями его и всячески препятствуют и тому и другому. Благодаря этому обычно «энергия и устремления тех, кто вопреки действию времени сохранили любовь к свободе, — как бы велико ни было их число, остаются безрезультатными, потому что они не знают о существовании друг друга (*pour ne s'entrecognoistre point*); под владычеством тирана они лишены всякой возможности делать и говорить что-нибудь, чуть ли ни даже мыслить; они остаются совершенно одинокими со своими взглядами»².

Из этих вольнолюбивых одиночек выходят, очевидно, те героические борцы с тиранией, вроде древних Гармония и Аристокитона, Брутов старшего и младшего и др., подвигам которых Ла Бозси посвящает вслед за тем несколько хвалебных строк. Но следует ли отсюда, что Ла Бозси рекомендует (как это утверждают некоторые исследователи) в качестве средства для свержения тирании тираноубийство, цареубийство, или что цареубийство является логическим выводом из его построений? Я не думаю этого. Несколько прочувствованных и естественных в устах респуб-

¹ Op. cit., p. 108.

² Ibidem, p. 109.

ликански настроенного гуманиста фраз по адресу прославленных тираноубийц античности нельзя принять за практическую программу действий. Идея цареубийства и вообще революционных действий не только не вяжется с позднейшей деятельностью Ла Бозси на государственной службе — это можно было бы объяснить происшедшей в нём с годами эволюцией: юноша-революционер, как это водится, образумился современем и стал законопослушным, добросовестным чиновником, — но не мирится вообще с духовным обликом Ла Бозси, для которого, как и для Монтеня, «правилом правил» было подчиняться законам своей страны (Монтень, как мы увидим в дальнейшем, прямо утверждает это). Цареубийство — не забудем этого — не всегда приводило к желанной цели: подвиг Брута и Кассия не предотвратил гибели римской республики. Наконец, как указывал и сам автор «Рассуждения», сколько раз «святым именем свободы» прикрывались замыслы честолюбцев, свергавших старую тиранию для замены её новым деспотизмом!»¹.

Но если не в цареубийстве, то в чём же видел Ла Бозси средство для свержения тирании? Ответить на это с достоверностью невозможно. Вероятнее всего, что подобно всем гуманистам он возлагал особые надежды на силу разума, на рост просвещения, которое с течением времени должно преодолеть все чинимые ему тиранией помехи. Вольнолюбивые одиночки, перестав быть разрозненными и объединив свои усилия, сумеют своей проповедью свободы раскрыть глаза народу, единодушный отказ которого подчиняться тирану, рекомендуемый в начале «Рассуждения» (единодушное «нет»), должен положить конец рабству.

Имея в виду, очевидно, эти красноречивые призывы к народам отказать в повиновении тирану, Монтень в опыте «О воспитании» высказал догадку, будто основная мысль «Рассуждения» была навеяна Ла Бозси чтением одного места у Плутарха. «Замечание Плутарха, — пишет Монтень, — что жители Азии находились в рабстве у одного человека потому, что они не умели произнести одного единственного слова «нет», дало, может быть, Ла Бозси повод и идею его «Добровольного рабства»².

Дело, разумеется, не в вычитанной у Плутарха фразе. Но всё построение Ла Бозси носит такой отвлечённый характер, так отдаёт книгой, что вряд ли оно могло быть подсказано живой действительностью. Историк де Ту, как известно, заявлял, что «Рассуждение» было написано 19-летним Ла Бозси под непосредственным впечатлением свирепой расправы с бордоским восстанием 1548 г. и как ответ на неё³. С этим мнением французского историка никак нельзя согласиться. Можно ли себе представить, чтобы в злободневном памфлете, написанном молодым автором чуть ли не на следующий день после кровавых событий августа 1548 г., не нашлось ни малейшего намёка на них, на жестокости коннетабля Монморанси, и чтобы вызванное ими негодование автора вылилось только пусть в блестящих, но абстрактных и холодных диатрибах против тиранов вообще, а не против только что свершившихся актов тирании?

Но если даже принять версию де Ту, то нельзя не отметить, что Ла Бозси в своём «Рассуждении» как будто совершенно игнорировал уроки бордоского восстания и вообще выступление жителей Гиены против нового налога на соль. Ведь события 1548 г. на югозападе Франции показали, что голым и всеобещающим «нет» дело не ограничивается, что пассивное сопротивление требованиям тирана почти немедленно превращается в активное, в ответ на что тиран, оказывающийся вовсе не одиноким, пускает в ход превосходящую воинскую силу. Если сам тиран — не Геркулес и не Самсон, а жалкий человек, то находящийся в его рас-

¹ Op. cit. p. 111.

² «Essais de Montaigne», ed. Louandre. T. I, p. 215. Paris. 1862.

³ De Thou «Histoire», I, V. p. 43.

поражении аппарат принуждения может с успехом заменить не один десяток Геркулесов или Самсонов. Нет, учение о всеобщем отказе повиноваться тирану, как о действительном и притом бескровном, не требующем жертв средстве покончить с «добровольным рабством», не есть обобщение исторического опыта, а представляет чисто книжное, головное построение, покоящееся на той наивной концепции общества и государства, которой продиктованы первые страницы «Рассуждения».

Но рядом с ней и как бы в дополнение к ней Ла Боэси развивает во второй половине своего памфлета совсем иную теорию государства, к анализу которой я и перейду теперь.

II

Даровые театральные и цирковые зрелища, раздачи хлеба и вина, эксплуатация суеверия масс и пр. — таковы средства, которыми, как мы видели, пользуются тираны, чтобы приучить людей к добровольному рабству. Однако эти средства годятся лишь для низших народных масс, для грубой черни. Но главной основой тирании, тайной пружиной деспотизма (*le secret et ressort de la domination*) служит другое. Ла Боэси отвергает предположение, что охрана — конная или пешая — является опорой и защитой тиранов. История римских императоров убедительно свидетельствует о том, что гвардия чаще расправлялась с ними, чем охраняла их. «Трудно поверить этому с первого раза, — сообщает Ла Боэси свою сокровенную мысль, — но бесспорно то, что тирана всегда поддерживают четыре или пять лиц; четыре или пять держат для него в порабощении всю страну»¹. У тиранов всегда были пять или шесть приспешников, пять или шесть соучастников их жестокостей, насилия и разврата. С этими шестью фаворитами оказываются связанными шестьсот пользующихся их милостями людей, от которых, в свою очередь, зависит шесть тысяч других лиц — управляющие провинциями, заведующие финансами и т. д. Спускаясь ещё ниже, разматывая клубок, мы увидим уже «не шесть тысяч, а сотни тысяч, миллионы связанных этой нитью с тираном людей... И в результате получается, что благодаря системе милостей, системе подачек (*gaaings ou regaaings*) со стороны тиранов оказывается почти столько же людей, для которых тирания, повидимому, выгодна, как и людей, которым свобода дорога»².

И ещё ярче формулируя эту новую концепцию тирании, Ла Боэси пишет: «Таким образом, тиран порабощает своих подданных одних посредством других, и его охраняют те самые люди, которых, если бы они чего-нибудь стоили, он должен был бы остерегаться. Но, как говорится, чтобы расколоть дрова, он пользуется клинками из самих же этих дров: вот его стрелки, вот его охрана, вот его копейшики»³.

Вслед за этим кардинальным тезисом идёт ряд страниц, в которых Ла Боэси обрушивается на систему фаворитизма, обличает гнусную и в то же время жалкую роль фаворитов, ненавистных народу, пожалуй, ещё более самого тирана. Как ни красноречивы эти филиппики Ла Боэси, как ни актуальны были, может быть, для его времени эти обличения приспешников тирана (хотя примеры, по обыкновению, он заимствует из древней истории), но к пониманию его теории добровольного рабства они не прибавляют ничего нового. Опустив их поэтому, я приведу лишь заключительный абзац «Рассуждения», завершающий самым неожиданным образом знаменитый памфлет:

«Станем же иногда, станем же поступать добродетельно; поднимем очи горё, либо ради нашей чести, либо из любви к самой добродетели,

¹ Payen «Notice bio-bibliographique...», p. 130. Paris. 1853.

² Op. cit., p. 131.

³ Ibidem, p. 132—133.

либо, говоря по совести, ради любви и чести всемогущего бога, достоверного свидетеля наших поступков и праведного судьи наших прегрешений. С своей стороны я убеждён — и думаю, что не ошибаюсь в этом, ибо нет ничего противнее богу, при всём его милосердии и благодати, чем тирания, — что им в загробной жизни отдельно уготовано какое-то особенное наказание для тиранов и их приспешников»¹.

Свою главную «тайную» пружину добровольного рабства Ла Бозси излагал как простое продолжение данных им до того объяснений власти тирана, не замечая вовсе, что он этим совершенно опрокидывает своё первоначальное построение. Действительно, на первых страницах «Рассуждения» мы имели дело с антитезой тирана — совершенно одинокого властителя и зачарованного именем «ОДНОГО», всего остального народа, которому достаточно только сказать своё единодушное «нет», чтобы одним этим разогнать навождение и разрушить чары, удерживающие его в рабстве. В конце же «Рассуждения» перед нами совсем иная трактовка государства, иное понимание взаимоотношений между тираном и угнетаемым им народом. Единовластитель вовсе не одинок: в его тирании заинтересовано почти столько же людей, сколько имеется жертв его деспотизма. Он находится на вершине огромной социальной пирамиды, пронизывающей всю толщу общества и раскалывающей его на две почти равные части. В этой пирамиде из приспешников тирана и зависимых от них лиц некоторые исследователи готовы были видеть бюрократический аппарат государства. Это не так. Ведь сюда же относятся, кроме чиновничества, и разные откупщики государственных налогов с окружающими их служащими, и поставщики двора, и придворная челядь, и охрана государя, и т. д., — словом, смешанное и пёстрое множество лиц, живущих так или иначе милостями монарха. Если они, вопреки утверждению склонного к преувеличениям Ла Бозси, не так многочисленны, как подвергающаяся эксплуатации часть населения, если их даже во много раз меньше последней, то зато они несравненно сильнее своей организованностью, чем расплывчатый и привыкший к игу рабства народ. И добровольное рабство оказывается в конце концов подневольным, ибо, как мы видели, тиран подчиняет себе одну часть своих подданных при помощи другой. И для свержения тирании уж не приходится рассчитывать на простой, бескровный жест, на единодушное «нет» населения, ибо этого единодушия вовсе нет, а если бы угнетённый народ послушался призывов Ла Бозси и отказал в повиновении тирану, то его постигла бы та же участь, что население Гиени и Бордо, которое отказалось вносить соляной налог, на него обрушилась бы вооружённая сила тирана, часть той пирамиды угнетателей, на вершине которой находится сам деспот. Борьба была бы неравной, безнадёжной. И с этой новой концепцией добровольного рабства вполне гармонирует концовка «Рассуждения», в которой автор его, точно отчаявшись в земных средствах борьбы с тиранией, апеллирует к небесным силам, сжидая особых загробных кар для тирана и его приспешников.

Не говоря о мелких невязках «Рассуждения», об отсутствии чёткого ответа на основной вопрос насчёт способа уничтожить добровольное рабство, одно это коренное противоречие между двумя противоположными трактовками тирании ясно показывает, насколько теоретически несостоятельна мысль Ла Бозси, несмотря на всю энергию и красоту стиля, в который облечена эта мысль. Даровитый юноша-автор нашёл могучие слова для осуждения тирании, слова, действие которых сказалось во Франции ещё века спустя в моменты общественных потрясений, но в своём теоретическом построении он не свёл концы с концами.

¹ Op. cit., p. 145.

III

«Даровитый юноша-автор», — сказала я. Сколько, однако, лет было этому юноше, когда он писал своё «Рассуждение о добровольном рабстве»? Вопрос этот, разделяющий исследователей, представляет не только биографический интерес, но имеет также известное значение по существу, для правильного понимания характера памфлета Ла Бюэси. Де Ту, как мы видели, утверждал, что его написал вскоре после подавления бордоского восстания в 1548 г. 19-летний Ла Бюэси. Но если верить свидетельству ближайшего друга Ла Бюэси — Монтеня, если считаться с его заявлением в опыте «О дружбе» (в котором он рассказывает историю своей исключительной дружбы с автором «Рассуждения»), то памфлет был написан, когда Ла Бюэси было 18 лет, т. е. до бордоского восстания. Замечательно, однако, что, редактируя незадолго до смерти свои «Опыты» для нового издания их, Монтень зачеркнул названную цифру, написав вместо неё слово «шестнадцать». Некоторые исследователи объясняют это разноречие тем, что Монтень, желая обелить в глазах потомства память друга от обвинения в составлении субверсивного памфлета, старался по возможности снизить возраст автора, выдавая «Рассуждение» за литературный опыт не юноши даже, а мальчика. Может быть, это так, а может быть, разноречие объясняется какой-нибудь аберрацией памяти Монтеня, внёсшего свою поправку четверть века спустя после смерти друга.

Вопрос о хронологии «Рассуждения» осложняется ещё и тем, что в нём имеются ссылки на произведения поэтов школы плеяды — Дюбелле, Ронсара, Баифа¹, которые отодвигают дату составления памфлета до 1552—1553 гг., когда Ла Бюэси было уже 22—23 года. Это ставит перед нами альтернативу: либо всё «Рассуждение» было написано 22—23-летним Ла Бюэси, либо мы имеем дело с позднейшей вставкой в него. Кто же автор вставки? И если названное место касательно поэтов плеяды — вставка, то единственная ли она?

Вопрос о дате составления «Рассуждения» имеет, как я сказала, некоторое значение для понимания характера памфлета, выяснения того, является ли он просто горячо написанным, но отвлечённым трактатом о пагубности тирании вообще или памфлетом, отвечающим на политические злобы дня тогдашней французской действительности. Если принять версию де Ту, утверждавшего, будто «Рассуждение» было написано под живым впечатлением зверств при подавлении бордоского восстания, то оно, конечно, является актуальным, даже актуальнейшим политическим памфлетом. Но совсем в противоположном пытается убедить нас Монтень, свидетельство которого заслуживает, конечно, особенного внимания. Прежде, однако, чем привести его, я скажу несколько слов по поводу тесно связанного с этим вопроса об издании «Рассуждения».

В 1571 г. Монтень в качестве литературного душеприказчика Ла Бюэси выпустил литературное наследие своего покойного друга, умершего в 1563 г., — несколько переводов классических авторов, а также латинские и французские стихи Ла Бюэси. В его распоряжении имелись также рукописи «Рассуждения о добровольном рабстве» и статьи о январском эдикте 1562 г., гарантировавшем, в известных границах, гугенотам отправление их религиозного культа. Но Монтень считал политический момент неподходящим для опубликования этих работ, или как он выразился в своём обращении к читателю, «он находил их слишком деликатными и хрупкими, чтобы подставить их под бурю такой непогоды» (pour les abandonner au grossier et pesant air d'une si mal plaisante saison)².

Однако копии «Рассуждения», во всяком случае, ходили тогда по

¹ Op. cit., p. 126.

² Essais de Montaigne, ed. Louandre. T. IV, p. 392. Paris. 1862.

рукам, как писал об этом несколько лет спустя тот же Монтень в своём опыте «О дружбе»¹.

В 1574 г. в гугенотском сборнике «Réveille Matin», сперва в латинском издании его, затем во французском, помещён был довольно значительный отрывок из памфлета Ла Бюэси, причём редакторы сборника кое-где изменили текст «Рассуждения», внося в него намёки, относившиеся к политической обстановке Франции. Монтень между тем занимался в это время составлением своих «Опытов», в частности главы «О дружбе», в которой он собирался наряду с рассказом о своей близости с Ла Бюэси дать и «Рассуждение о добровольном рабстве», которое, по его словам, послужило поводом для их первого знакомства.

Неясно, чем была вызвана перемена в намерениях Монтеня, почему он решился в бурные годы, наступившие после Варфоломеевской ночи, выпустить вещь, которую он из соображений осторожности отказался опубликовать в сравнительно спокойный период, предшествовавший резне 24 августа 1572 года. Правда, «Опыты» пока только писались и не предназначались для немедленного напечатания — вышли они действительно только через несколько лет, в 1580 году. Рассчитывал ли Монтень, что страсти за это время улягутся и что «непогода», так смущавшая его в 1570 г., пройдёт в 1580 году? Так или иначе, но Монтень, по его словам, собирался издать «Рассуждение», и глава «О дружбе» заканчивалась, или, вернее, должна была закончиться, следующими словами: «Послушаем же этого шестнадцатилетнего (сперва было 18-летнего) гасконца»², — вслед за чем должно было идти «Рассуждение о добровольном рабстве».

Всё это должно было быть, но дело обернулось иначе. В 1576 г. вышел сборник гугенотского пастора Симона Гуляра «Mémoires de l'Etat de France sous Charles IX», в одном из выпусков которого был помещён памфлет Ла Бюэси, на этот раз уже полностью. Издание Гуляра изменило, очевидно, все планы Монтеня, ибо в главе «О дружбе», непосредственно после слов «Послушаем же этого шестнадцатилетнего гасконца» и несколько отступя, мы читаем: «Так как я увидел, что это произведение (т. е. «Рассуждение о добровольном рабстве». — Ф. К.-Б.) было впоследствии опубликовано, и с дурными целями, людьми, старающимися внести смуту и изменить наш государственный строй, не думая о том, исправят ли они его этим, и так как они смешали его с другими писаниями в их вкусе (de leur faimé), то я отказался от мысли поместить его здесь. А для того, чтобы память автора не пострадала в глазах лиц, не знавших как следует его взглядов и его поступков, то я предупреждаю их, что эта тема трактовалась им в ранней юности (en son enfance) в целях чисто литературного упражнения (par manière d'exercitation seulement) как избитая тема, без конца разбиравшаяся в тысячах книг»³.

Я оборву пока на этом рассказ Монтеня. Мы видим, таким образом, что уже современники Ла Бюэси разделились по вопросу о понимании характера «Рассуждения о добровольном рабстве», что уже в XVI в. возникли те две основные трактовки его, которых с некоторыми вариациями и до сих пор придерживаются исследователи; одни видят в трактате Ла Бюэси памфлет, метивший в политические порядки тогдашней французской монархии, а другие — не имеющее никакого отношения к окружавшей Ла Бюэси французской действительности, — отвлечённое, хотя литературно яркое рассуждение на тему о тирании⁴.

¹ Essais de Montaigne, ed Louandre. T. I, 259.

² Ibidem, p. 247.

³ Ibidem.

⁴ Не приводя длинного списка толкований «Рассуждения» разными исследователями, я укажу лишь на два примера таких противоположных оценок памфлета: Сент-Бёва и Арменго. Для Сент-Бёва, писавшего в середине прошлого века, трактат Ла Бюэси представляет «классическую декламацию, шедевр десятиклассника». Наоборот, более

Я лично придерживаюсь второго толкования. Правда, в «Рассуждениях» кое-где вкраплены какие-то глухие и неопределённые намёки на окружавшую автора действительность¹. Имелся ли он в первоначальном тексте или были внесены потом лицами, окончательно отредактировавшими его, — и в том и в другом случае эти краткие и туманные ссылки на современность не меняют основного характера труда Ла Бюэси, представляющего по форме очень яркое и сильное, а по существу теоретически слабое рассуждение о политическом рабстве народов вообще, о причинах этого рабства и способах избавления от него. Возможно, что поводом к написанию трактата послужило для Ла Бюэси какое-нибудь актуальное событие из жизни тогдашней Франции, но оно дало только толчок для разрядки той массы образов и идей, которые накопились у юноша-гуманиста от многолетнего и ежедневного общения с книжной стихией, в частности с литературой античности. Когда французский автор Баррер², разыскивая литературные источники «Рассуждения» и рассматривая каждую фразу его как бы в лупу, превращает трактат Ла Бюэси в какую-то мозаику из заимствованных у разных, главным образом древних, авторов цитат, склеенных между собой только собственными образами Ла Бюэси, то он превращает в карикатуру правильную по существу мысль об исключительном всепроникающем влиянии на «Рассуждение о добровольном рабстве» книжных реминисценций. Но при всём этом влиянии трактат Ла Бюэси — глубоко личное произведение, и личные не только образы, не только литературное оформление памфлета, но и пронизывающие всё «Рассуждение» страсть, ненависть к абсолютизму и пафос свободы, заражающе действовавшие не только в раскалённой атмосфере религиозных войн XVI в., но и много позже, века спустя, в моменты революционных гроз. Если «Рассуждение о добровольном рабстве» — это не направленный против политического строя Франции эпохи последних Валуа памфлет, то это и не просто литературное упражнение, «классическая декламация», как выражается Сент-Бёв, декламация, в которой юноша-автор пробовал своё перо и в которой он мог бы с таким же талантом и блеском защищать тезис о пользе для блага народов абсолютной власти, как он защищал противоположный тезис о пагубности её.

близкий к нам по времени — правда, несравненно менее авторитетный, чем знаменитый критик — автор, именно Арменго утверждает, громоздя одну гипотезу за другой, что «Рассуждение о добровольном рабстве», в том виде как оно было опубликовано, представляет результат переработки первоначального текста Ла Бюэси Монтемом, который превратил его в острый политический памфлет, направленный против Генриха III и окружавшей его камарильи, и передал затем его для напечатания гугенотам, а в своих «Опытах», по соглашению с теми же гугенотами, для отвода глаз возмущался опубликованием труда Ла Бюэси в сборнике гугенотских политических памфлетов и старался представить «Рассуждение» безобидным литературным упражнением (D-r Armaine-gaud «Montaigne pamphletaire». Paris. 1910).

¹ Так, на стр. 84 Ла Бюэси, говоря о том, как один тиран расправляется с сотней тысяч городов, лишая их свободы, замечает: «Кто бы этому поверил, если бы он знал это только понаслышке, а не видел, и притом видел лишь в чужих странах и далёких краях». На стр. 120 мы читаем о людях, которые и в наше время, делая зло, маскируют его прекрасными рассуждениями об общественном благе. На стр. 135, изображая недолговечность благополучия фаворитов, полностью зависящих от капризов тирана, Ла Бюэси советует, чтобы убедиться в этом, раскрыть все древние истории и заглянуть в хроники современности. Говоря опять-таки о фаворитах и приводя несколько примеров их из римской истории, Ла Бюэси на стр. 144 описывает, как они ненавистны всему народу, всему свету, который вплоть до крестьян, вплоть до землепашцев, знает и проклинает их имена. Ясно, что фаворитами, имена которых знают даже крестьяне, не могут быть античные Бурр и Сенека, о которых речь идёт у Ла Бюэси раньше. Для современников Ла Бюэси все эти намёки были, конечно, прозрачнее, чем для нас, и они могли подставлять конкретные фигуры там, где мы находим лишь общие, неопределённые обличения. Но всё же эти случайные обращения к современности — если они даже не дело рук позднейших редакторов — не превращают «Рассуждения» в актуальный политический памфлет.

² Barrère J. «L'humanisme et la politique dans le Discours de la servitude volontaire», Paris. 1923.

Ла Бозси выразил в «Рассуждении» свои подлинные убеждения — свою ненависть к деспотизму, любовь к свободе, преклонение перед республиканским идеалом, который представлялся ему особенно полно осуществлённым в современной ему Венеции и в доимператорском Риме.

Конечно, республиканизм Ла Бозси был отвлечённый, головной, книжный, а не действенный и боевой, и легко уживался с законопослушностью, с лойяльным отношением к французской монархии, которую автор «Рассуждения» исключал даже из своего принципиального осуждения единовластия. И это исключение было сделано Ла Бозси не просто из-за цензурных соображений: оно было в основе чистосердечным, искренним при всей его непоследовательности. Если любимые древние авторы ставили перед Ла Бозси идеал республиканской свободы, то духовная атмосфера, в которой он фактически жил, — настроение всех классов общества и, в частности, университетской среды с её профессурой, исконной идеологической поборницей абсолютизма, — могла только порождать культ королевской власти, объединившей Францию и доставившей ей такое славное место среди прочих народов. Когда бы в точности ни было написано «Рассуждение» — в 1546 ли году, как утверждает Монтень, или в 1552—1553 гг., как выходит, судя по упоминаниям о поэтах школы Плеяды, — но в это время, т. е. около середины XVI столетия, ещё далеко было до кризиса французского абсолютизма, начавшегося лишь ряд лет спустя. К этому, свойственному всей эпохе, почитанию королевской власти, нашедшему своё яркое выражение в популярном припеве датирующей ещё от времён Людовика XII песенки:

«Un roy, une foi, une loi».

(«Один король, одна вера, один закон»),

надо прибавить свойственную лично Ла Бозси (как, впрочем, и Монтеню и ряду других видных деятелей эпохи) верховную заповедь подчинения закону и обычаю страны, в которой родился¹. Всосанный, выражаясь фигурально, с молоком матери девиз «Un roy» сталкивался в душе Ла Бозси с навеянными книгами лозунгом «Contr'un» (как удачно было окрещено современниками «Рассуждение о добровольном рабстве»), и этим тоже, может быть, — а не одной только незрелостью теоретической мысли молодого автора, — объясняются указанные мною противоречия памфлета Ла Бозси и отсутствие в нём настоящего, практического заключения.

Говоря всё это, я, собственно, иду по следам Монтеня, развивая высказанные им в опыте «О дружбе» взгляды на памфлет Ла Бозси. Правда, на первый взгляд может показаться, что Монтень считал «Рассуждение» просто литературной декламацией — *exercitation*, как он выражается. Но свидетельство Монтеня надо брать не частично, а целиком. Действительно, вслед за приведённым мною выше из главы «О дружбе» отрывком, в котором он даёт такую безобидную характеристику юношеской работы Ла Бозси, мы читаем: «Я нисколько не сомневаюсь, что он верил в то, что он писал, ибо он был достаточно совестлив, чтобы не лгать даже в игре. И я знаю сверх того, что, если бы перед ним был выбор, он предпочёл бы родиться в Венеции, а не в Сарла (родина Ла Бозси. — Ф. К.-Б.) и с полным основанием».

¹ См. в опыте «О суете» («De la vanité»). Т. IV, стр. 69. Монтень пишет: «Не в силу субъективных мнений, а поистине для каждого народа превосходным и наилучшим государственным строем является тот, при котором он сохранился: его существенная форма и удобство зависят от привычки. Мы охотно жалуемся на наше настоящее положение; однако я думаю, что стремиться в демократическом государстве к власти немногих, или при монархии к другой форме правления — это порок и безумие». Это тот традиционализм и консерватизм Монтеня (как и Ла Бозси), который побуждал автора «Опытов», монархиста для Франции, защищать в спорах в лице Помпея и Брута дело римской республики против Цезаря.

Таким образом, Монтень даёт ясно понять, что взгляды, изложенные в «Рассуждении о добровольном рабстве» — этом якобы простом упражнении на избитую, ходячую тему, — представляют подлинные убеждения Ла Бюэси, который, если бы это зависело от него, предпочёл бы родиться в республиканской Венеции, а не в монархической Франции.

«Но, — вводит сейчас же важный корректив Монтень, — у него было другое, верховно запечатлённое в его душе правило: благоговейнейшим образом повиноваться законам, под господством которых он родился. Никогда не было лучшего гражданина, гражданина, более интересовавшегося спокойствием своей страны и более враждебно относившегося к беспорядкам и новшествам своего времени; он скорее употребил бы свои знания, чтобы остановить их, чем для того, чтобы ещё более возбудить их; его дух был скроен по другому образцу, чем у названных выше лиц»¹ (т. е. людей, стремящихся изменить государственный строй Франции и опубликовавших «Рассуждение» Ла Бюэси среди своих мятежных памфлетов. — Ф. К.-Б.).

При оценке «Рассуждения о добровольном рабстве» это обстоятельное свидетельство Монтеня имеет основное значение и весит гораздо больше, чем краткие показания таких лиц, как историк де Ту или другой историк, гугенот д'Обинье (утверждавший, будто «Рассуждение» было написано Ла Бюэси под влиянием оскорбления, нанесённого ему каким-то наглецом-придворным). Монтень был сверстником Ла Бюэси (он был моложе его на 2—3 года), жил с ним душа в душу последние шесть лет его жизни и писал о нём сравнительно скоро — лет через 10—12 после его смерти. Де Ту и д'Обинье были значительно моложе Ла Бюэси: одному из них было 10, другому — 13 лет, когда автор «Рассуждения» умер, — и писали они о нём лет через 40—50 после его смерти. Но, говорят, Монтень способен был, когда это ему нужно было, не особенно считаться с истиной, и в данном случае, желая, чтобы память его друга осталась чистой в глазах благонамеренного потомства, он по возможности снижал возраст Ла Бюэси в момент писания им «Рассуждения» и превратил острый политический памфлет в чисто литературное упражнение.

Я не берусь решать вопрос о том, чем обуславливалась у Монтеня датировка составления «Рассуждения», — я уже касалась этого выше, — но, подчёркиваю, если он и называет трактат своего друга упражнением, то тут же прибавляет, что оно выражало истинные взгляды Ла Бюэси, который даже в игре не лгал. Можно ли, однако, в таком случае говорить вообще об упражнении?

Ла Бюэси не был, конечно, ниспровергателем основ, как это поясняет дальше Монтень. Подобно последнему, Ла Бюэси, очевидно, видел образец в Сократе, учившем повиноваться законам отчизны, даже когда они несправедливы. Этот общий обоим традиционализм и лоялизм были, может быть, — не говоря, конечно, об одинаковых гуманистических интересах, — основой их близости. И, повторяю, лоялизм Ла Бюэси питался не только книжными реминисценциями вроде названной нами заповеди Сократа или аналогичного учения Пиррона, но и общим духом верноподданничества, характерным для французского общества середины XVI века. Республиканский идеал был для Ла Бюэси очень далёкой утопией, которой суждено, может быть, когда-нибудь осуществиться, но в каком-то неопределённом будущем, когда свободолюбивые одиночки опознают друг друга, когда грубая чернь приобретёт к просвещению и благодаря проповеди этих одиночек обретёт стремление к исконной, заложенной в человеке природой, свободе. А до тех пор: «Intus ut lubet, foris ut moris» («Про себя думай, что угодно, а на людях поступай как принято всеми») —

¹ «Essais de Montaigne», T. I, p. 278.

максима, с жаром защищавшаяся Монтенем, высказывавшим в этом случае, несомненно, общий ему с Ла Бюэси принцип поведения¹.

Если иметь в виду теоретическую неслаженность «Рассуждения», то является соблазн принять версию Монтеня о том, что оно написано 18- или даже 16-летним юношей, очень начитанным и талантливым, но всё же незрелым. Однако более правдоподобной кажется мне гипотеза Бонефона относительно составления памфлета в эпоху студенческой жизни Ла Бюэси, во время пребывания его в стенах знаменитого Орлеанского университета, где среди увлекавшихся античностью юношей могли найтись и сочувствовавшие его взглядам студенты, стараниями которых были изготовлены ходившие потом по рукам копии «Рассуждения». Памфлет Ла Бюэси в этом случае отражал бы не только личные его убеждения, но и настроения некоторой, теоретически, настроенной республикански, а практически, лойяльной прослойки французской интеллигенции.

Однако, каков бы ни был личный замысел Ла Бюэси при составлении им «Рассуждения о добровольном рабстве», но опубликованное четверть века спустя в гугенотском сборнике, смешанное, как выражается Монтень, с другими писаниями в их, гугенотов, вкусе, оно, естественно, приобрело характер актуального политического памфлета, не имевшийся первоначально в виду его автором. Этому немало способствовал абстрактный, а не конкретный характер «Рассуждения», позволявший приурочить его страстные обличения деспотизма единовластителей, его негодующие описания тиранов и их фаворитов к политической обстановке Франции после Варфоломеевской резни и к находившимся тогда на престоле последним Валуа — Карлу IX, Генриху III — и их приспешникам и «миньонам». И, как мы знаем из свидетельства де Ту, который был в это время уже не мальчиком, и некоторых других современников, «Рассуждение о добровольном рабстве» оказало, подобно другим боевым произведениям гугенотской публицистики, своё влияние на рост оппозиции абсолютизму среди французского общества.

У книг своя судьба, по знаменитому латинскому изречению. Выйдя из рук своих авторов, они начинают вести своё самостоятельное существование, перерастая иногда в нечто отличное от первоначальных замыслов их творцов. Субъективное намерение писателя и объективное значение его творения — вещи различные, часто несоизмеримые. Это относится и к «Рассуждению о добровольном рабстве». Плод кабинетного творчества, предназначавшийся, должно быть, только для избранного кружка единомышленников-книжников, оно, в силу своеобразного стечения обстоятельств, было выведено на публичную арену бурной политической борьбы, став орудием яростной антиправительственной пропаганды.

¹ В опыте Монтеня «О привычке и о том, что не следует легко изменять принятые законы» мы читаем следующее: «Мудрец должен убраться вовнутрь свою душу от давления окружающего (de la presse) и сохранять свободу и способность свободно судить о вещах; но взвне он должен полностью следовать общепринятым формам и манерам. Обществу нет дела до наших мыслей; но всё остальное: наши поступки, наш труд, наша участь и наша жизнь — должно быть предоставлено в распоряжение общества и сообразоваться с общепринятыми взглядами: так добрый и великий Сократ отказался спасти свою жизнь ценою неповиновения власти, пусть даже крайне несправедливой и неправедной власти, ибо правилом правил, всеобщим законом законов является то, что каждый должен соблюдать закон своей страны» (Essais de Montaigne, ed Louandre, T. I p. 150. Paris, 1862).